

Татьяна Ткачёва*

Факторы электоральной лояльности республик в составе РФ на федеральных выборах: постановка проблемы и первые результаты

Не секрет, что на федеральных выборах республики в составе Российской Федерации (за некоторыми исключениями) демонстрируют рекордно высокий уровень поддержки партии и кандидата от власти. Однако если обратиться к истории развития федеративных отношений в России, подобное проявление электоральной лояльности со стороны республик может показаться как минимум любопытным.

В течение долгого времени формирование в России современной системы административного деления имело довольно противоречивый характер: с одной стороны, оно во многом определялось стремлением создать симметричную федерацию с равноправными субъектами, с другой — попыткой закрепления особого положения национально-территориальных объединений. Последнее было результатом региональной политики в позднесоветский период, а также — своеобразным эхом советского этнического федерализма (подробнее — Treisman, 1999: 28–46).

Некоторые изменения в асимметричность системы федеративного устройства России были

внесены с принятием в 1993 году Конституции Российской Федерации, хотя данный документ и сохранил противоречивость, присущую всей проводимой ранее региональной политике. Так, например, несмотря на то, что республики признавались государствами в составе Российской Федерации (Конституция: Ст. 5.(2)), их объем полномочий приравнивался к одному у административно-территориальных единиц и автономных субъектов.

Нежелание национально-территориальных образований иметь равный статус с административно-территориальными единицами привело к заключению двусторонних соглашений между республиками и федеральным центром. Причем в них зачастую «осуществлялось перераспределение предметов ведения РФ и предметов совместного ведения, закрепленных в Основном Законе. Поэтому данные договоры, по сути, противоречили федеральной Конституции» (Ноженко, Белокурова, 2010: 39). Даже подписание таких договоров с административно-территориальными образованиями, которое, казалось бы, нивелировало асимметричность федеративного устройства РФ, тем не менее, по сути, не оказывало такого эффекта, так как отличительной чертой этих документов «являлось отсутствие явных противоречий с федеральной Конституцией. Данные акты не пересматривали, а конкретизировали и дополняли положения 72 статьи Основного Закона» (Там же: 40), которая закрепляла предметы совместного ведения фе-

* Россия, Санкт-Петербург
Европейский университет в Санкт-Петербурге;
факультет политических наук и социологии
Научный руководитель: доктор политических наук Г. В. Голосов

дерации и ее субъектов. Тем самым к началу 1999 года территориальное пространство России сохранило свой фрагментированный характер.

Ситуация стала меняться с приходом к власти В. Путина. Кардинальные изменения, осуществленные в сфере региональной политики за период с 1999 по 2004 годы посредством реализации ряда реформ, привели к унификации правового пространства, положившей конец несоответствию регионального законодательства федеральному (Там же: 56). Создавались равные условия взаимодействия с федеральным центром всех регионов, независимо от способа их образования. Существенно были ослаблены двусторонние связи между федеральным центром и субъектами, а выстраивание «вертикали власти» свело на нет возможность для формирования различных субнациональных политических режимов и «нивелировало значимость политики региональной идентичности» (Там же).

Таким образом, несмотря на долгую историю особых взаимоотношений между федеральным центром и республиками, на сегодняшний день, формально, национально-территориальные субъекты находятся в равном с остальными субнациональными единицами положении.

Если же рассматривать результаты электоральных процессов в России в контексте истории развития федеративных отношений, то логично было бы предположить следующие сценарии поведения национально-территориальных субъектов на выборах после завершения процесса унификации:

- 1) республики в меньшей степени поддерживают партию и кандидата от власти, по-прежнему стремясь проявить свой особый статус;
- 2) национально-территориальные субъекты ведут себя так же, как и административно-территориальные единицы, ввиду унификации правового пространства.

Однако, как уже было ранее отмечено, этнические регионы, в среднем, проявляют большую лояльность по отношению к партии и кандидату от власти в ходе электоральных процессов федерального уровня, нежели все остальные субнациональные единицы. Тем самым проводимое исследование представляет собой попытку объяснить выявленный феномен.

Исследовательский вопрос в данной работе звучит следующим образом: «Почему республики в составе Российской Федерации, по сравнению с другими субъектами, оказывают более высокую поддержку партии и кандидату от власти в ходе электоральных процессов федерального уровня?»

Как правило, электоральные результаты в национально-территориальных субнациональных единицах России объясняются через анализ региональных элит, их структуры. Ключевым направлением здесь становится исследование так называемых региональных политических машин. Основным определением данных структур служит их характеристика как «политических организаций, которые мобилизуют электоральную поддержку за счет предоставления определенного рода узких привилегий избирателям в обмен на их голоса» (Stokes, 2005: 315). В качестве подобного рода стимулов, как правило, выступают различные материальные блага: увеличение доходов населения, предоставление рабочих мест и различных социальных льгот (в том числе — например, более качественное медицинское обслуживание). Тем самым своеобразный подкуп избирателей становится ключевой характеристикой для классического определения региональных политических машин.

Первоначально это понятие использовалось «для описания механизмов политического господства в городах США со времен окончания Гражданской войны и до «нового курса» Ф. Рузвельта» (Гельман, 2008: 7). Позже, в 1969 году, Дж. Скотт (Scott, 1969) открыл новую исследовательскую перспективу в политической науке, впервые экстраполировав выводы о ранних локальных политических машинах в городах США на политические системы стран «третьего мира». В дальнейшем этот подход использовался для анализа политических режимов во многих других странах, а ныне локальные политические машины рассматриваются в качестве частного случая такого феномена, как субнациональный авторитаризм (см., например, Scott, 1972; Gervasoni, 2010).

Что же касается национально-территориальных субъектов, именно идентификация населения через этничность становится основной для анализа локальных режимов через концепцию политических машин. Утверждается, что «социальные сети, основанные на этничности, являются довольно плотными, и в тех условиях, когда эт-

ничность становится политизированной, эти социальные сети представляют собой основу для формирования политических машин» (Golosov, 2014: 5). Так, сталинская политика «нативизации», конструирования и усиления национальных идентичностей в административно-территориальных единицах в дальнейшем отразилась на политической структуре субнациональной элиты брежневского периода: представители «титульной» нации занимали высшие партийные посты в автономных республиках. Подобное привилегированное положение титульных этнических групп со временем не прекратилось. «Этнические социальные сети, институционализированные советским режимом, не только пережили распад СССР, но и приобрели силу как республики (как правило, возглавляемые представителями титульной группы), заявив о своем суверенитете и усилив статус своих “коренных” групп за счет внедрения законов о языке, реализации образовательной политики и посредством назначения на государственные должности привилегированных лиц» (Gorenburg, 1999, цит. по: Hale, 2003: 244). Все это дало лидерам «этнических» регионов (особенно республик) особые возможности и стимулы для мобилизации сильных и устойчивых политических машин (Hale, 2003: 244).

Тем самым, *первая гипотеза* проводимого исследования связана с детерминирующим характером региональных политических систем в процессе формирования электоральной лояльности национально-территориальных единиц.

Тем не менее отдельное место в корпусе работ, посвященных различным аспектам политических процессов в региональном разрезе, занимают исследования, рассматривающие федеральную финансовую помощь субъектам в качестве одного из инструментов во взаимоотношениях между центром и регионами (см., например: Kim, 2013; Veiga, Veiga, 2013; Ardanaz, 2014). Широкий спектр работ, посвященных российской системе предоставления финансовой помощи и ее роли в общенациональных политических процессах. В частности, Н. Буланин и А. Щербак (Буланин, Щербак, 2005) писали про роль трансфертов в качестве своеобразного «успокоительного» для регионов, склонных к сепаратизму.

Ключевой же характеристикой большинства работ, посвященных анализу трансфертной политики в России, является изучение связи предо-

ставляемой регионам финансовой помощи и результатов электоральных процессов (Treisman, 1996, 1998; Popov, 2004; Стародубцев, 2010). Несмотря на некоторые различия в результатах исследований указанных авторов, общим для них служит вывод об использовании безвозмездной финансовой помощи регионам в качестве инструмента, стимулирующего предоставление определенных электоральных показателей.

И хотя в упомянутых работах не делается акцент на республиках и их большей склонности к извлечению «фискальной ренты» (термин — Gervasoni, 2009), беглый взгляд на историю развития межбюджетных отношений в РФ (особенно — на первые этапы этого процесса) позволяет предполагать вероятное усиление эффекта, оказываемого трансфертами, в национально-территориальных единицах. Дело в том, что республики были одними из первых регионов, вступивших в «торговые» отношения с федеральным центром в процессе регулирования межбюджетных взаимодействий, и довольно преуспели в этом. Учитывая же, что договорной характер взаимоотношений между федеральными и республиканскими властями наблюдался как на протяжении довольно долгого периода до установления формальных «правил игры», так и некоторое время после, можно предположить возможное усиление в этих регионах эффекта, оказываемого трансфертами на электоральное поведение.

Таким образом, *вторая гипотеза* проводимого исследования заключается в предположении, согласно которому высокая электоральная поддержка федеральных властей в республиках в составе Российской Федерации может быть, скорее, связана с финансово-экономическими факторами. Предполагается, что финансовая помощь федерального центра, направляемая республикам в огромных объемах, изменила систему стимулов как региональных властей, так и населения данных регионов (если рассматривать результаты выборов как итоги волеизъявления граждан, а не следствие масштабных фальсификаций) и тем самым поспособствовала развитию прокремлевских тенденций в электоральных предпочтениях данных субнациональных единиц. При этом допускается, что именно в республиках эффект, оказываемый трансфертами, более ярко выражен, нежели в других субъектах, так как национально-территориальные единицы первыми вошли в «торговые» отношения с федеральным цен-

эффектов взаимодействия между независимыми переменными и показателем, характеризующим статус субъекта.

С учетом периодичности проведения переписи населения (которая дает возможность узнать об этническом составе) для каждого из анализируемых периодов было решено использовать показатели ближайших лет. Исключениями являются Агинский Бурятский АО и Усть-Ордынский Бурятский АО, которые еще успели проголосовать в 2007 году как отдельные субъекты, но уже не представлены таковыми в данных переписи-2010. Для этих случаев в анализ выборов-2007 были включены результаты переписи 2002 года.

Показатель количества смен на посту глав субъекта, включенный в индекс консолидации региональных элит, отражает численное выражение ротации на указанной должности в период между анализируемыми федеральными выборами и предшествующими им электоральными процессами. Срок полномочий губернатора, также взятый для конструирования указанного индекса, представляет собой суммарную длительность пребывания на посту действующего главы и его предшественника, если таковой был, на момент рассматриваемых выборов.

Показатели финансовой помощи и данные об исполнении бюджетов были взяты за год, предшествующий анализируемым электоральным процессам. Стоит отметить, что в качестве показателей финансовой помощи рассматривались не все безвозмездные перечисления (включают субсидии, субвенции и дотации, выделяемые на определенные цели), а лишь безвозмездные перечисления от других бюджетов бюджетной системы, выдаваемые безвозмездно.

Таким образом, для реализации представленного здесь первого этапа эмпирической части исследования были собраны следующие данные по регионам:

- 1) результаты парламентских выборов 1999, 2003, 2007 и 2011 годов;
- 2) результаты президентских выборов 2000, 2004, 2008 и 2012 годов;
- 3) данные о выборах глав субъектов в период с 1995 по 2005 годов;

- 4) информация о главах субъектов с 1995 по 2012 годов;
- 5) информация об этническом составе регионов (по данным Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 годов);
- 6) данные об исполнении региональных бюджетов за 1998–2011 годов;
- 7) показатели безвозмездных перечислений в бюджеты субъектов за 1998–2011 годов.

Источником информации о финансовых показателях субъектов послужил официальный сайт Казначейства России.¹ Электоральные показатели представляют собой ресурсы Базы данных «Российская электоральная статистика»,² Центральной избирательной комиссии РФ,³ а также — электронного периодического издания «Политика»,⁴ сайта «Россия: Электоральная география 2.0»⁵ и материалы политического мо-

1 Отчётность об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов // Федеральное казначейство (Казначейство России) / [Электронный ресурс]. www.roskazna.ru/byudzheto-subektov-rf-i-mestnykh-byudzheto (дата обращения: 05.03.2014).

2 База данных «Российская электоральная статистика» // IRENA: Межрегиональная электоральная сеть поддержки / [Электронный ресурс]. db.geliks.org (дата обращения: 25.02.2014).

3 Информация о выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации / [Электронный ресурс]. www.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 25.02.2014); Выборы Президента Российской Федерации 2000 года // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации / [Электронный ресурс]. cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000 (дата обращения: 25.02.2014); Сведения о региональных и местных избирательных кампаниях, кампаниях референдумов, ранее содержавшихся на сайте www.fci.ru // Архив Центральной избирательной комиссии РФ / [Электронный ресурс]. cikrf.ru/banners/vib_arhiv/arhivfci (дата обращения: 01.03.2014).

4 Раздел «Выборы» // Электронное периодическое издание «Политика» / [Электронный ресурс]. www.politika.ru/vybory/vybory.html (дата обращения: 05.03.2014).

5 Региональные выборы // Электоральная география 2.0 / [Электронный ресурс]. www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/r/russia (дата обращения: 05.03.2014).

нитинга Международного института гуманитарно-политических исследований.¹ Результаты губернаторских выборов 1996 года были представлены Г. В. Голосовым и являются данными Государственной автоматизированной системы «Выборы». Также стоит отметить, что показатели объема трансфертов и доходов субъектов за 1998 и 1999 годы являются данными, представленными А. В. Стародубцевым, так как данные на сайте Казначейства РФ, откуда бралась информация о финансовой составляющей деятельности регионов, сейчас представлены только с 2000 года.

Необходимо упомянуть, что некоторые наблюдения были исключены из анализа по определенным причинам. В частности, пришлось исключить Республику Дагестан, по которой невозможно использовать переменные, связанные с всенародными выборами главы, так как оные в регионе никогда не проводились.²

Также из исследования парламентских выборов 1999 года были исключены Удмуртская Республика и Чеченская Республика. В первом случае причиной послужило проведение первых выборов главы субъекта только в 2000 году. Во втором — отсутствие результатов федеральных электоральных процессов 1999 года по региону.³

Кроме того, необходимо отметить последовательное сокращение наблюдений в процессе реализации исследования, что объясняется процессом объединения субъектов федерации, начавшимся в 2005 году.

¹ Выпуски политического мониторинга ИГПИ / [Электронный ресурс]. www.igpi.ru/monitoring/1047645476 (дата обращения: 05.03.2014).

² Согласно Конституции Республики Дагестан, глава этого субъекта до 2006 года избирался не всенародно, а высшим представительным органом, а с 2006 года главой данного региона становится назначенец Президента РФ.

³ Постановлением Центральной избирательной комиссии РФ от 30 сентября 1999 года было отменено проведение парламентских выборов в Чеченской Республике по причине «отсутствия в регионе необходимых условий для свободного волеизъявления граждан». Как известно, на тот момент в Чечне уже сложилась сложная обстановка, ставшая основой для начала военных действий, известных теперь как Вторая чеченская война.

Выборы 1999–2000 годов

Учитывая историю развития федеративных отношений и, в частности, начало унификации правового пространства в 1999 году, в качестве первых электоральных процессов, взятых для исследования, было решено анализировать парламентские выборы указанного года. Здесь в качестве зависимой переменной выступала доля голосов за объединение, которое рассматривается как «партия власти» того периода — движение «Единство». Данные об объемах финансовой помощи представляют собой показатели за 1998 год, а хронологические рамки отбора числовых индикаторов для расчета эффективного числа кандидатов на губернаторских выборах заключаются в период с 1995 по 1999 год (с учетом, что региональные электоральные процессы прошли до или одновременно с федеральными).

Для конструирования переменной «Статус», в частности для учета ее этнической составляющей, в этот период использовались результаты Всероссийской переписи населения 2002 года. Результаты расчета множественной регрессии представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты анализа выборов 1999 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	-1,13697	0,11366	-10,004	9,51e ⁻¹⁶
Индекс конс. элит	-0,01895	0,02620	-0,723	0,47171
Доля трансфертов	0,53072	0,16518	3,213	0,00189
Статус	-0,40138	0,13643	-2,942	0,00426
Индекс*статус	0,02994	0,01765	1,696	0,09375
Трансферты*статус	0,30163	0,12662	2,382	0,01958

Количество наблюдений: 80
Множ. R-квадрат: 0,5483, скорр. R-квадрат: 0,5201
p-value: 1,301e⁻¹²

Источник: расчеты автора

Первоначальные результаты, представленные в табл. 1, показывают, что эффект взаимодействия между статусом субъекта и степенью консолидации элит оказывается незначим статистически, в то время как эффект безвозмездной финансовой помощи в зависимости от статуса можно считать статистически значимым (так как показатель вероятности ошибки первого рода — p-value — у данной переменной не пре-

вышает 2%). При этом коэффициент данного интерактивного эффекта положителен, что указывает на следующую связь: чем выше значение показателя «Статус», тем сильнее положительное влияние трансфертов на зависимую переменную, наблюдаемое через величину линейного коэффициента переменной «Доля трансфертов» (0,53). Иными словами, в 1999 году в республиках получение безвозмездной финансовой помощи лучшим образом сказывалось на результатах партии «Единство», нежели в остальных регионах. Более того, данный эффект усиливается с уменьшением в национально-территориальных единицах доли русского населения. Но характерна ли такая ситуация для всего электорального цикла?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к президентским выборам 2000 года. Для расчета индекса консолидации региональных элит в анализе этих электоральных процессов данные по губернаторским выборам были взяты за период с 1995 по 2000 год. Удмуртская Республика, ставшая исключением в 1999 году, в анализ президентских выборов 2000 года уже была включена.

Показатели финансовой помощи были взяты за 1999 год, за исключением Чеченской Республики, по которой требуемой информации за указанный период нет. В данном случае в анализ были включены показатели за январь 2000 года.

Данные об этническом составе регионов взяты за 2002 год, ближайший к году анализируемых электоральных процессов. В табл. 2 представлены результаты расчетов.

Таблица 2. Результаты анализа выборов 2000 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	0,148847	0,104098	1,430	0,1566
Индекс конс. элит	0,005991	0,017392	0,344	0,7314
Доля трансфертов	-0,119153	0,151411	-0,787	0,4336
Статус	-0,134691	0,119752	-1,125	0,2640
Индекс*статус	0,022464	0,010939	2,054	0,0432
Трансферты*статус	0,061318	0,096353	0,636	0,5263

Количество наблюдений: 82

Множ. R-квадрат: 0,2503, скорр. R-квадрат: 0,2046

p-value: 0,0002131

Источник: расчеты автора

Любопытно, что в анализе выборов 2000 года картина кардинально меняется. Свою значимость теряет интерактивный эффект между объемом финансовой помощи и статусом субъекта. Одновременно с этим взаимодействие степени консолидации региональных элит с показателем статуса приобретает значимый эффект на голосование за В. Путина ($p \leq 0,05$). Коэффициент интерактивного эффекта между указанными переменными и линейный коэффициент переменной «Индекс» позволяют утверждать, что чем выше показатель статуса, тем в большей степени усиление региональных элит ведет к увеличению доли голосов за партию власти. То есть в республиках высокая степень консолидации региональных элит имеет больший эффект на электоральную лояльность федеральным властям, нежели в остальных регионах.

Наблюдаемые изменения в результатах расчетов относительно детерминирующих факторов электоральной лояльности республик в 2000 году можно интерпретировать как переход от политики «подкупа» республиканской благосклонности через включение финансовых механизмов к внедрению субнациональных политических структур в связи с постепенной консолидацией путинского режима и выстраиванием вертикали власти.

Чтобы понять, происходила ли трансформация данной ситуации по мере усиления федеральных властей, обратимся к следующим электоральным процессам.

Выборы 2003–2004 годов

Среди отличительных методологических особенностей отбора данных для анализа парламентских выборов 2003 года можно отметить смещение хронологических рамок для эффективного числа кандидатов, включаемого, напомним, в индекс консолидации элит. Так, для данного периода показатель эффективного числа кандидатов на выборах глав субъектов ограничивается 2000–2003 годами. Результаты расчетов представлены в табл. 3.

В случае с федеральными электоральными процессами 2003 года ситуация сохраняется. Здесь также можно говорить о связи между успехом «Единой России» в республиках и характером их политических систем. На это указывает статистически значимый ($p \leq 0,001$) положитель-

Таблица 3. Результаты анализа выборов 2003 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	-0,823112	0,111721	-7,368	1,23e ⁻¹⁰
Индекс конс. элит	0,027963	0,011752	2,379	0,0197
Доля трансфертов	0,304339	0,169689	1,794	0,0766
Статус	-0,064506	0,094581	-0,682	0,4972
Индекс*статус	0,033601	0,005647	5,950	6,35e ⁻⁰⁸
Трансферты*статус	0,004304	0,099227	0,043	0,9655

Количество наблюдений: 82

Множ. R-квадрат: 0,5461, скорр. R-квадрат: 0,5184

p-value: 7,407e⁻¹³

Источник: расчеты автора

Таблица 4. Результаты анализа выборов 2004 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	0,670942	0,143900	4,663	1,2e ⁻⁰⁵
Индекс конс. элит	0,021863	0,013823	1,582	0,117577
Доля трансфертов	0,200510	0,215421	0,931	0,354699
Статус	0,053984	0,120020	0,450	0,654045
Индекс*статус	0,025738	0,006498	3,961	0,000158
Трансферты*статус	-0,087681	0,125850	-0,697	0,487952

Количество наблюдений: 82

Множ. R-квадрат: 0,574, скорр. R-квадрат: 0,548

p-value: 5,91e⁻¹⁴

Источник: расчеты автора

ный коэффициент интерактивного эффекта между статусом субъекта и условным индексом консолидации элит. Более того, по сравнению с предыдущими анализируемыми выборами, вероятность ошибки первого рода в разы уменьшается, что подкрепляет рассуждения о возможном усилении выявленного влияния политических систем республик на голосование в них с последующим укреплением общенационального режима.

Учитывая же, что окончательным этапом становления вертикали власти можно считать 2004 год (с отменой губернаторских выборов), предположим, что в ходе дальнейших электоральных процессов выявленная тенденция будет проявляться еще ярче. Для того чтобы проверить данное предположение, обратимся к президентским выборам 2004 года.

В конструирование индекса консолидации региональных элит для анализа вторых путинских выборов были включены результаты губернаторских электоральных процессов за период с 2000 по 2004 годы. Данные об этническом составе населения взяты за 2002 год. Результаты расчетов отражены в табл. 4.

Яркой отличительной особенностью президентских выборов представленного электорального цикла является отрицательный коэффициент интерактивного эффекта между долей трансфертов в доходах и статусом субъекта. В принципе, подобный результат указывает на ослабевание положительной связи между трансфертами и голосованием за В. Путина в республиках, в отличие

от остальных регионов. Но вероятность ошибки первого рода в данном случае превышает статистически допустимый показатель ($p = 0,49$), что позволяет не учитывать полученный итог.

Что же касается второй интерактивной переменной, она по-прежнему сохраняет свое положительное значение и статистическую значимость. Тем самым, и в 2004 году, согласно полученным на данном, начальном, этапе исследования результатам, высокие доли голосов за В. Путина объясняются влиянием региональных политических систем, которое усиливается в случае республик.

Таким образом, результаты анализа выборов 2004 года в целом вписываются в рамки объяснительной модели, представленной еще при исследовании президентских выборов 2000 года и парламентских выборов 2003 года. Если же следовать общепринятому мнению, согласно которому следующий электоральный цикл считается периодом наибольшего расцвета путинского режима, логично было бы предположить, что выявленные ранее механизмы будут характерны и для следующего электорального цикла. Так это или нет, станет ясно из представленного далее анализа.

Выборы 2007–2008 годов

В отличие от исследования предыдущих парламентских электоральных процессов, в анализе выборов 2007 года показатель эффективного числа кандидатов был взят за период с 2000

Таблица 5. Результаты анализа выборов 2007 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	-0,074238	0,151886	-0,489	0,626407
Индекс конс. элит	0,034635	0,012873	2,691	0,008766
Доля трансфертов	1,055136	0,274796	3,840	0,000253
Статус	0,595668	0,131585	4,527	2,18e ⁻⁰⁵
Индекс*статус	-0,022155	0,004825	-4,592	1,71e ⁻⁰⁵
Трансферты*статус	-0,521414	0,131975	-3,951	0,000173

Количество наблюдений: 76

Множ. R-квадрат: 0,6947, скорр. R-квадрат: 0,6746

p-value: < 2,2e⁻¹⁶

Источник: расчеты автора

Таблица 6. Результаты анализа выборов 2008 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	0,401979	0,113084	3,555	0,000655
Индекс конс. элит	0,023076	0,009166	2,518	0,013919
Доля трансфертов	0,573503	0,204580	2,803	0,006416
Статус	0,360788	0,100162	3,602	0,000561
Индекс*статус	-0,005165	0,003683	-1,402	0,164920
Трансферты*статус	-0,353083	0,099639	-3,544	0,000679

Количество наблюдений: 76

Множ. R-квадрат: 0,4496, скорр. R-квадрат: 0,4134

p-value: 8,176e⁻⁰⁹

Источник: расчеты автора

по 2005 год, а информация об этническом составе регионов представляет собой результаты Всероссийской переписи населения 2010 года. Было решено брать данные переписи-2010, так как именно этот период более близкий по хронологии к анализируемым электоральным процессам. Исключением стали Агинский Бурятский и Усть-Ордынский автономные округа, которые еще успели проголосовать в 2007 году как отдельные субъекты, но уже не представлены таковыми в данных переписи-2010. Для этих случаев в анализ выборов-2007 были включены результаты переписи 2002 года.

Что же касается наблюдений, в данном анализе (помимо основных исключений) не участвовали Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский и Коми-Пермяцкий автономные округа. Причиной этому послужило отсутствие данных по указанным регионам в связи с процессом объединения субъектов, начавшимся в 2005 году. Результаты расчетов отражены в табл. 5.

Опровергая имевшиеся ожидания, результаты анализа 2007 года указывают, во-первых, на одновременное влияние и трансфертов, и степени консолидации региональных элит на электоральный успех партии власти, а, во-вторых, теперь эффект указанных факторов в республиках проявляется хуже, чем в других регионах. Об этом говорит отрицательный коэффициент интерактивных переменных. Иначе говоря, положительное влияние трансфертов и индекса консолидации региональных элит на голоса за «Единую Россию», наблюдаемое через линейный коэффициент указанных переменных, в ре-

спубликах, в отличие от других регионов, проявляется в меньшей степени.

Обратимся к президентским выборам 2008 года, результаты которых, предположительно, будут подвержены схожему эффекту. Единственной методологической особенностью анализа выборов 2008 года, отличающей его от исследования парламентских выборов соответствующего цикла, является дополнительное исключение нескольких наблюдений. В связи с продолжением процесса объединения регионов после парламентских выборов 2007 года, помимо исключенных ранее регионов, в анализе не участвовали Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский автономные округа. Первый, объединившись с Читинской областью, стал частью нового субъекта — Забайкальский край, второй вошел в состав Иркутской области. Итоги расчетов представлены в табл. 6.

Действительно, коэффициенты обоих интерактивных переменных в анализе выборов 2008 года также отрицательны. Тем не менее принимать во внимание следует только индикатор, характеризующий эффект взаимодействия между объемами финансовой помощи и статусом субъекта (так как в данном случае $p \leq 0,001$). Тем самым, так же как и голосование за «Единую Россию» в 2007 году, результаты Д. Медведева в 2008 году в республиках в меньшей степени определены объемами финансовых вливаний, нежели в других регионах.

Таким образом, вероятно, можно предположить, что в республиках действовавшие ранее меха-

Таблица 7. Результаты анализа выборов 2011 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	-0,670452	0,171315	-3,914	0,000197
Индекс конс. элит	0,021210	0,013270	1,598	0,114134
Доля трансфертов	0,819630	0,345148	2,375	0,020086
Статус	0,239732	0,117045	2,048	0,043994
Индекс*статус	0,022638	0,002946	7,685	4,41e ⁻¹¹
Трансферты*статус	-0,301764	0,135850	-2,221	0,029308

Количество наблюдений: 76

Множ. R-квадрат: 0,6878, скорр. R-квадрат: 0,6673

p-value: < 2,2e⁻¹⁶

Источник: расчеты автора

Таблица 8. Результаты анализа выборов 2012 года

	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)
(Intercept)	0,368537	0,124140	2,969	0,004
Индекс конс. элит	0,003360	0,009070	0,370	0,712
Доля трансфертов	0,275579	0,251575	1,095	0,277
Статус	-0,008389	0,085558	-0,098	0,922
Индекс*статус	0,02074	0,002123	9,924	2,31e ⁻¹⁵
Трансферты*статус	-0,034113	0,099889	-0,342	0,734

Количество наблюдений: 76

Множ. R-квадрат: 0,7586, скорр. R-квадрат: 0,7428

p-value: < 2,2e⁻¹⁶

Источник: расчеты автора

низмы в электоральном цикле 2007–2008 годов включать не было необходимости ввиду внедрения других инструментов достижения необходимых результатов, статистически не улавливаемых в данном анализе. Подразумевается вероятность массовых фальсификаций, статистически выявленных в ряде других исследований (Мейбейн, Калинин 2009; Шпилькин 2009). В связи с этим интересно посмотреть на последние прошедшие федеральные выборы, столь же известные сфабрикованным характером их результатов. Анализ данных электоральных процессов представлен далее.

Выборы 2011–2012 годов

Для изучения выборов 2011 года хронологические рамки для индекса консолидации региональных элит остались неизменными с анализа предыдущих электоральных процессов. Данные об этническом составе регионов, так же как и в случае прошлого электорального цикла, представляют собой итоги переписи населения 2010 года. Так как объединение субъектов завершилось в 2008 году, новых исключений в анализе последних прошедших в России федеральных выборов не было. Результаты расчетов представлены в табл. 7.

Сохранившаяся с предыдущих электоральных процессов тенденция к влиянию трансфертов и характера региональных политических систем в зависимости от статуса субъекта, тем не менее, все же несколько видоизменяется в 2011 году.

Здесь, как видно из табл. 7, выявленное ранее ослабевание в республиках (по сравнению с остальными регионами) влияния детерминирующих факторов на голосование сохраняется только в случае с финансовой помощью, на что указывает по-прежнему отрицательный коэффициент интерактивного эффекта между данной переменной и показателем статуса субъекта. Взаимодействие же условной степени консолидации региональных элит и статуса субъекта становится положительным, что возвращает нас к выводу о детерминирующем характере политических систем в электоральной лояльности республик.

Учитывая же некоторую преемственность факторов, объясняющих результаты парламентских выборов, и в случае с президентскими электоральными процессами, можно предположить аналогичную ситуацию и в 2012 году. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим выборы указанного года.

Методология отбора данных для анализа последних президентских электоральных процессов, в принципе, аналогична одной для предыдущих федеральных выборов. Результаты губернаторских выборов, необходимые для конструирования индекса консолидации элит, также были взяты за 2000–2005 годы, информация об этническом составе населения регионов — данные за 2010 год. Результаты представлены в табл. 8.

Аналогично результатам анализа последних прошедших в России парламентских выборов, расчеты показателей для 2012 года выявили от-

рицательный коэффициент эффекта взаимодействия между трансфертами и статусом субъекта, однако утратив статистическую значимость данного индикатора. Тем не менее в рамках статистически допустимой вероятности ошибки первого рода остается интерактивный эффект между индексом консолидации элит и показателем статуса. Так же как и в 2011 году, коэффициент данной переменной положителен. Это говорит о сохранившейся тенденции к включению региональных политических структур, теоретически функционирующих в виде «политических машин» или других подобных механизмов, для формирования высоких электоральных показателей кремлевским силам.

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать ряд наблюдений. Действительно, в большинстве своем электоральные результаты партии и кандидата от власти в случае республик в большей степени определены характером их внутренних политических структур, нежели в случае остальных регионов. При этом влияние объемов предоставляемой финансовой помощи носит эпизодический характер и зачастую ослабевает в национально-территориальных субъектах.

Тем не менее стоит учесть, что представленные здесь неоднозначные результаты — продукт первичных расчетов. Для получения более достоверных показателей планируется дополнить модель контрольными переменными социально-экономического характера и усовершенствовать методологию. Также для проведения полноценной интерпретации данных необходимо построение графиков маржинальных эффектов, что также будет сделано в дальнейшем. Но, несмотря на указанные недоработки, уже благодаря полученным на данном этапе показателям исследование может считаться вполне обоснованным и перспективным с точки зрения ответа на поставленный исследовательский вопрос.

Список источников и литературы

Источники

1. База данных «Российская электоральная статистика» // IRENA: Межрегиональная электоральная сеть поддержки / [Электронный ресурс]. db.geliks.org (дата обращения: 25.02.2014).
2. Выборы Президента Российской Федерации // Архив Центральной избирательной комиссии РФ / [Электронный ресурс]. cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000 (дата обращения: 27.02.2014).
3. Выпуски политического мониторинга ИГ-ПИ / [Электронный ресурс]. www.igpi.ru/monitoring/1047645476 (дата обращения: 05.03.2014).
4. Губернаторские выборы в России // Электронное периодическое издание «Политика» / [Электронный ресурс]. politika.su/vybory/vybory.html (дата обращения: 01.03.2014).
5. Информация о выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия РФ. [Электронный ресурс]. www.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 01.03.2014).
6. Конституция Российской Федерации / [Электронный ресурс] www.constitution.ru (дата обращения: 03.03.2014).
7. Мониторинг событий. Тема: «Избрание губернаторов» // информационно-аналитический ресурс «Губернаторы.Ru» / [Электронный ресурс] www.governors.ru/?razdel=vmon®mode=regions®ion=0&okrug=0 (дата обращения: 19.05.2013).
8. Отчетность об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов // Федеральное казначейство (Казначейство России) / [Электронный ресурс]. www.roskazna.ru/byudzheto-v-subektov-rf-i-mestnykh-byudzheto-v (дата обращения: 03.03.2014)
9. Раздел «Выборы» // Электронное периодическое издание «Политика» / [Электронный ресурс]. www.politika.su/vybory/vybory.html (дата обращения: 05.03.2014).
10. Региональные выборы // Россия: Электоральная география 2.0 / [Электронный ресурс]. www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/r/russia (дата обращения: 01.03.2014).
11. Сведения о региональных и местных избирательных кампаниях, кампаниях референдумов, ранее содержавшихся на сайте www.fci.ru // Архив Центральной избирательной комиссии РФ / [Электронный ресурс].

cikrf.ru/banners/vib_arhiv/arhivfci (дата обращения: 01.03.2014).

Литература

1. Буланин Н., Щербак А. Трансферты против сецессии: опыт Дании и России. *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. 11: 78–85.
2. Гельман В. Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе. Препринт М-01/08. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008.
3. Мебейн У., Калинин К. Электоральные фальсификации в России: комплексная диагностика выборов 2003–2004, 2007–2008 гг. *Российское электоральное обозрение*. 2009. 2: 57–70.
4. Ноженко М. В., Белокурова Е. В. Северо-Запад России: регион или регионы? СПб.: Норма, 2010.
5. Стародубцев А. Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики: Сборник статей / Под ред. В. Гельман, О. Маргания. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2010. 325–351.
6. Штилькин С. А. Статистическое исследование результатов российских выборов 2007–2009 гг. // Троицкий вариант. 2009 / [Электронный ресурс]. trv-science.ru/2009/10/27/statisticheskoe-issledovanie-rezultatov-rossijskix-vyborov-2007-2009-gg (дата обращения: 27.02.2015).
7. Gervasoni Carlos. (2009). Fiscal Federalism as a Source of Rents: Subnational Rentier States and Democracy in Argentina. APSA 2009 Toronto Meeting Paper.
8. Gervasoni Carlos. (2010). Measuring Variance in Subnational Regimes: Results from an Expert-Based Operationalization of Democracy in the Argentine Provinces. *Journal of Politics in Latin America*, 2 (2): 13–52.
9. Golosov Grigorii V. (2010). The Effective Number of Parties: A New Approach. *Party Politics*, 2 (16): 171–192.
10. Golosov Grigorii V. (2014). The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines. *Post-Soviet Affairs*.
11. Hale Henry E. (2003). Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. *Post-Soviet Affairs*, 19 (3): 228–263.
12. Kim J. (2013). Political Decentralization, Subnational Political Capital, and Intergovernmental Transfers in Korea. *The American Review of Public Administration*, 43 (1): 109–129.
13. Popov Vladimir. (2004). Fiscal Federalism in Russia: Rules versus Electoral Politics. *Comparative Economic Studies*, 46 (4): 515–541.
14. Scott James C. (1969). Corruption, Machine Politics, and Political Change. *The American Political Science Review*, 63 (4): 1142–1158.
15. Scott James C. (1972). Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia. *The American Political Science Review*, 66 (1): 91–113.
16. Stokes Susan C. (2005). Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina. *American Political Science Review*, 99 (3): 315–325.
17. Treisman Daniel. (1996). The Politics of Intergovernmental Transfers in Post-Soviet Russia. *British Journal of Political Science*, 26 (3): 299–335.
18. Treisman Daniel. (1998). Fiscal Redistribution in a Fragile Federation: Moscow and the Regions in 1994. *British Journal of Political Science*, 28 (1): 185–200.
19. Treisman Daniel. (1999). After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. The University of Michigan Press.
20. Veiga L. G., Veiga F. J. (2013). Intergovernmental Fiscal Transfers as Pork Barrel. *Public Choice*, 155 (3–4): 335–353.